

Секция «Психология»

**Психосемантический анализ этнической и гендерной обусловленности
ценностных установок (на материале жителей Ташкента)**

Бондаренко Алексей Сергеевич

Студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет
психологии, Ташкент, Узбекистан*

E-mail: aleshka92@mail.ru

Выборка. Всего в исследовании приняли участие 176 испытуемых жителей Ташкента разных национальностей. В данном исследовании мы сосредоточили свое внимание на сопоставлении позиций узбеков и русских. Объем подвыборок составил 26 и 48 человек соответственно.

Метод исследования. Использовалась психосемантическая методика множественной идентификации В.Ф. Петренко (ММИ) [2]. В опросник вошло 69 утверждений, заимствованных из священных книг 4 религий – ислама, христианства, буддизма, иудаизма; цитаты различных философов и писателей, а также ключевые утверждения из «морального кодекса строителя коммунизма» [1].

Испытуемым предлагалось оценить данные утверждения по семибальной шкале (от -3 до 3), касающиеся различных ролевых позиций – «Я сам», «Идеал», «Презируемый мною человек», «Отец», «Мать», «Сверстник», «Человек нашего общества через 30 лет», «Татарин», «Узбек», «Русский», «Кореец». Таким образом каждый респондент заполнял таблицу ответов: каждый из 69 вопросов применительно к 11 ролевым позициям.

Процедура обработки. Полученные первичные матрицы ответов были суммированы в 4 матрицы данных для испытуемых, отнесенных в разные группы по признаку пола и национальности. Полученная агрегированная матрица данных (44 ролевых позиции) подвергнута процедуре факторного анализа методом главных компонент с применением ортогонального вращения по типу «Varimax».

Результаты. Было выявлено 4 биполярных фактора, объясняющих 35; 22; 11; 6 процентов общей дисперсии соответственно. Выделенные факторы были проинтерпретированы следующим образом:

1. Религиозность ↔ Атеизм;
2. Социальный конформизм ↔ Цинизм;
3. Социальный альтруизм ↔ Макиавеллизм;
4. Привязанность к религиозным стереотипам ↔ Религиозная автономия.

Для того чтобы наглядно представить авто- и гетеро- этнопредставления русских и узбекских респондентов для каждого фактора были построены гистограммы факторных баллов, которые получили образы «Я», «Идеал», «Узбек», «Русский» с точек зрения респондентов узбеков (мужского и женского пола), и респондентов русских (мужского и женского пола).

Анализ гистограмм показывает, что для всех выделенных факторов представители каждой из подгрупп обладают высокой самооценкой, что проявляется в близости оценок позиций «Я сам» и «Идеал».

По 1 и 2 фактору (рис. 1,2) оценки позиций «узбек» и «русский» оказались более близкими, чем по 3 и 4 фактору (рис. 3,4). Таким образом, для представителей всех

групп типичный узбек и типичный русский видятся похожими по уровню религиозности и

социального конформизма, и относительно разными по уровню социального альтруизма и религиозной автономии.

В свою очередь в оценке позиции «Идеал» по 1 и 2 фактору (рис. 1,2) наблюдаются различия между представителями разных подгрупп, а оценки по 3 и 4 фактору (рис. 3,4) для данной позиции более согласованны. То есть образы идеалов религиозности и социального конформизма различаются среди представителей разных подгрупп, а идеалы альтруистичности и религиозной автономии более устойчивые.

По 1 фактору (рис. 1) наблюдаются значительные различия в представлениях о себе («я сам») между представителями русской и узбекской национальности – узбеки (и мужчины, и женщины) видят себя более религиозными, при этом и образ «идеала» узбеков выглядит более религиозным, нежели «идеал» русских. Это вполне согласуется с высказанным выше соответствием оценок с позиций «Я сам» и «Идеал». Также следует отметить, что русские мужчины по этому фактору оценивают все роли менее религиозными, чем представители всех остальных подгрупп.

По 2 фактору (рис. 2) наблюдаются различия в оценках, данных узбекскими мужчинами и женщинами с позиции «Я сам» - женщины видят себя более социально-конформными, и как следствие - различаются образы идеала. Более того, узбекские женщины дают оценки всем ролям в сторону большей социальной конформности, чем мужчины.

По 4 фактору (рис. 4) наблюдается рассогласование между оценками себя («Я сам») и представителя своей национальности в среднем («Узбек», «Русский»), то есть они оцениваются менее религиозно автономными, в сравнении с самооценкой. Исключение составляет только оценки русскими мужчинами русского в среднем – он наиболее близок к образу «Я» и, соответственно, идеала.

По 1 фактору (рис. 1) между оценками всех ролей, данными русскими мужчинами и женщинами различия больше, чем между оценками узбекских мужчин и женщин, а по 2 и 3 фактору (рис. 2,3) – наоборот – больше различия между узбекскими женщинами и мужчинами.

В то же время по 1, 2 и 3 фактору (рис. 1,2,3) различия между оценками всех ролей, данными русскими и узбекскими мужчинами больше, чем между оценками, данными русскими и узбекскими женщинами.

Выводы:

1. Для представителей всех подгрупп характерна высокая самооценка;
2. Наиболее согласованные оценки всех ролей представителями всех подгрупп даются по фактору «Социальный альтруизм»;
3. Наиболее рассогласованные оценки всех ролей представителями всех подгрупп даются по фактору «Социальный конформизм».

В настоящем исследовании использовались данные, собранные Горбуновой А. И. в ходе дипломной работы.

Литература

1. Горбунова А. И. Детерминанты этнической и религиозной идентичности в мультикультурной среде. – Ташкент, 2012. – 118 с.: Дипломная работа.

2. Петренко В. Ф. ПЗ0 Основы психосемантики. 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.: ил. – (Серия «Мастера психологии»).

Иллюстрации

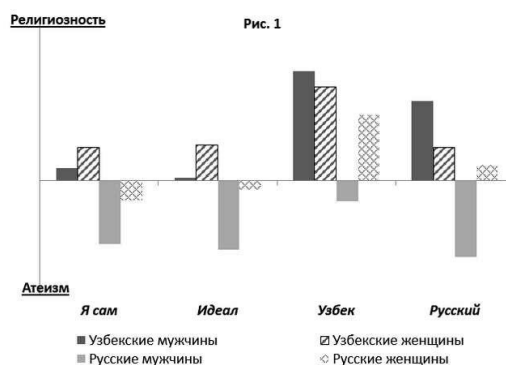

Рис. 1: Религиозность - атеизм

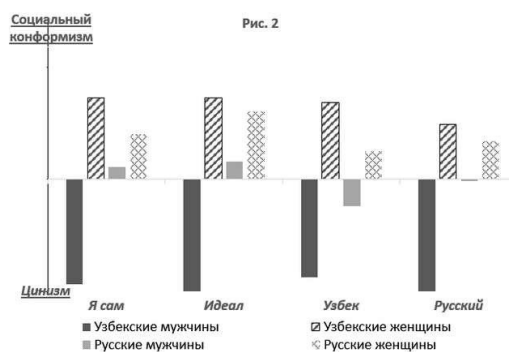

Рис. 2: Социальный конформизм - цинизм

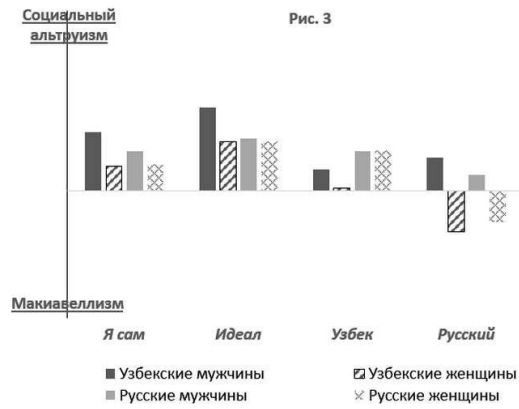

Рис. 3: Социальный альтруизм - макиавеллизм

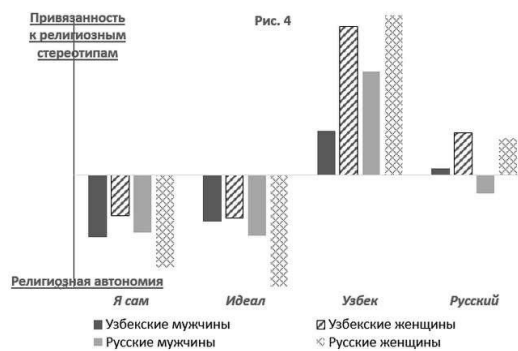

Рис. 4: Привязанность к религиозным стереотипам - религиозная автономия